

«Ни один человек не есть соль земли. Никто ни одно мгновение жизни своей не был ею и не будет.

Мало быть последним, чтобы стать когда-нибудь первым.

Нет нерушимых заветов. Ни тех, что от Меня, ни тех, что от Пророков.

Не заслуживает содеянное человеком ни адского пламени, ни благодати небесной.

Если соблазняет тебя правая рука, прости ее: вот тело твое, вот душа, и очень трудно, даже невозможно положить границу, которая их разделяет.

Дай святыню псам, кинь жемчуг свой перед свиньями. Всему воздай, что положено.

Не суди о дереве по плодам, а о человеке по делам, могут быть лучшие и худшие».

*Хорхе Луис Борхес.
«Фрагменты апокрифического
Евангелия»*

Глава 1

Раньше эти залы назывались «депутатскими». Через них обычно проходили члены правительства и депутаты. Уже в девяностые годы они стали именоваться залами для официальных делегаций. Затем их просто стали называть VIP-залами. Цены в них росли в геометрической прогрессии. Сначала это была чисто символическая плата. Затем оплата существенно повысилась и достигла пятидесяти долларов. В Шереметьево-2 она составляла более ста долларов. В других аэропортах свои цены. Самым бессовестным мог считаться подобный зал в Домодедово. Более двухсот пятидесяти долларов за право посидеть на диване в ожидании своего рейса. Учитывая, что в эту цену не входила даже бутылка воды, которую нужно было покупать за такую же бессовестную цену, оставалось удивляться людям, решившим воспользоваться этим залом, не дающим никаких преимуществ, кроме осознания своей значимости.

Любой вылетающий гость, имеющий билет бизнес-класса, мог пройти в зал для пассажиров бизнес-класса, где бесплатное спиртное в неограниченных количествах, чай или кофе, есть бутерброды и пирожки. Но, по необъяснимой человеческой логике, некоторые предпочитали платить невероятные деньги и ждать вылета в подобных VIP-салонах, словно для того, чтобы потешить свое самолюбие.

Он случайно оказался в этом зале, где договорился встретиться со знакомым журналистом, который был уверен, что Дронго полетит в Лондон через этот зал. Пришлось согласиться на встречу и заплатить эти деньги. Если учесть, что даже билет бизнес-класса в Баку в оба конца стоил гораздо дешевле, чем посещение VIP-салонов при вылете и прилете, можно понять его досаду и раздражение.

Журналист оказался дотошным. Его интересовали детали недавнего расследования. Дронго договорился с ним, что расскажет ему более подробно при условии, что тот никогда и нигде не будет упоминать его имени. И хотя журналистам нельзя было верить, тем не менее этот был достаточно умным, чтобы понять, насколько невыгодно нарушать до-

говоренность, рискуя никогда более не встретиться с Дронго и не узнать подробностей о последующих расследованиях.

Журналист Вадим Мнацаканов представлял популярную газету «Коммерсант», которая подавала информацию о происшествиях с гораздо более подробными комментариями, чем другие издания. Мнацаканов вел светскую хронику и, казалось, был знаком со всеми посетителями этого салона, вылетающими в разные страны.

Он был невысокого роста, а на фоне Дронго вообще казался очень маленьким, едва достигая плеча своего рослого собеседника. Это был подвижный лысеющий мужчина пятидесяти лет с манерами карточного шулера и бегающими глазками. Большой нос и прижатые к голове уши были самыми характерными чертами его запоминающейся внешности.

При разговоре он шмыгал носом, втягивая в себя с шумом воздух. Соглашаясь с собеседником, он издавал какие-то звуки, понятные только ему одному. Дронго разговаривал с ним, а журналист успевал замечать каждого из вошедших в этот салон гостей, словно он приехал сюда только для того, чтобы увидеть и узнать, кто и куда собирается вылетать.

— Надеюсь, что вы сохраните конфиденциальность нашей беседы, — заключил в конце разговора Дронго.

— Безусловно, — кивнул Мнацаканов, — можете не сомневаться. Это в моих интересах. Ой, посмотрите, кто пришел! — Он приподнял голову, чтобы лучше увидеть вошедших.

По лестнице спускались несколько человек. Сначала в зал вошли телохранители. Затем внесли багаж улетавших. И только потом спустилась основная группа гостей. Трое мужчин и две молодые женщины. Мужчинам было не больше пятидесяти. Женщинам — около тридцати. Все вошедшие в салон вежливо здоровались с Мнацакановым. Одна из женщин чуть поморщилась, увидев журналиста, но тоже сухо поздоровалась. Мнацаканов благосклонно кивал им, словно король, принимающий приветствия своих подданных.

— Кто это? — спросил Дронго.

— Разве вы их не узнали? — возбужденно зашептал Мнацаканов, поворачиваясь к нему. — Как хорошо, что мы назначили встречу именно здесь. Теперь я могу написать, что Парыгин вылетает в Лондон вместе с известной актрисой Евгенией Тарутиной. Это бу-

дет почти сенсация. Ведь она давно отрицала свою связь с этим бывшим министром.

— Он был министром?

— Многие уже не помнят. Он был министром еще в первом правительстве Гайдара, в начале девяностых. Тогда ему было тридцать пять. Говорят, что он был одним из самых перспективных членов правительства. И самых ловких. Он ушел оттуда в бизнес и основал собственную компанию и банк. Сейчас его состояние оценивается в полтора миллиарда долларов. Или около того. Можете себе представить? С первой женой он давно развелся, сейчас у него вторая жена, но с Тарутиной его уже несколько раз видели. Вы должны ее помнить, она сейчас самая востребованная актриса. Играет в наших сериалах...

Дронго взглянул на эту пару. Он был чуть выше среднего роста, импозантный, немного полноватый, темные волосы зачесаны назад. В сером костюме, на галстук была видна заколка с крупным бриллиантом. Его спутница понравилась Дронго больше. Высокая красивая женщина, имеющая склонность к полноте, одетая в темный брючный костюм. Он вспомнил, что видел ее несколько дней

назад в каком-то фильме и обратил внимание на ее роскошные светлые волосы и живые, пронизательные глаза. Это было самое важное, что он ценил в женщинах. Как, впрочем, и в мужчинах. Неглупые глаза. Единственная деталь внешности, которую нельзя сделать у пластических хирургов. Глаза часто выдают человека. Если они пустые, то это сразу заметно.

— А остальные? — спросил Дронго. — Мне кажется, вы всех знаете?

— Конечно, — обрадовался Мнацаканов, — вторая пара — это Саид Мальсагов и Жанна Вебер. Мальсагов — один из самых крупных застройщиков нашей столицы. Треть всего строительного бизнеса Москвы принадлежит ему. Так, во всяком случае, говорят. И он лучший друг нашего мэра. Один из самых известных тусовщиков Москвы. А его спутница — владелица двух ночных клубов и популярного ресторана «Десерт». Вообще-то она не Вебер, но была замужем за каким-то немцем несколько месяцев и решила оставить его фамилию. Она Жанна Колыхалова по отцу, но ей больше нравится немецкая фамилия Вебер. Ей тридцать два года, и говорят, что раньше она была любов-

ницей самого... — Мнацаканов прошептал фамилию известного чиновника.

Словно услышав его, молодая женщина обратилась к подскочившему официанту и низким хриплым голосом попросила принести ей бутылку воды. У нее были фигура манекенщицы, высокая грудь, длинные ноги, зеленые глаза. И платье, выгодно подчеркивающее ее фигуру. В руках у нее была сумочка от Луи Виттона, напоминающая небольшой вытянутый бочонок. Такая женщина могла свести с ума кого угодно.

Пятый член группы, спустившийся в салон вместе со всеми, был высокого роста, в очках, имел широкие брови, мясистые щеки. У незнакомца были каштановые волнообразные волосы. Одет в очень дорогой серый костюм. Дронго обратил внимание на обувь незнакомца. Такую пару шили, наверное, на заказ.

— А это кто? — спросил Дронго у журналиста.

— Юлий Каплинский, — ответил Мнацаканов, — наш местный Билл Гейтс. Миллиардер, ставший таковым благодаря высоким технологиям. У него одна из самых успешных и быстро развивающихся фирм. Он давно дружит с Парыгиным. Но я не

знал, что Мальсагов тоже входит в их компанию.

Мальсагов был одет в темный костюм, носил рубашку без галстука. У него были серые глаза, тонкие черты лица, красивые холеные руки, крупный перстень на безымянном пальце.

Все пятеро о чем-то весело говорили, проходя в глубь салона, где находился ресторан. Мнацаканов втянул в себя воздух, поежился и поспешил к стойке регистрации, чтобы узнать, куда именно вылетает эта группа. Через несколько секунд он вернулся с довольной миной на лице.

— Все пятеро полетят вместе с вами в Лондон, — улыбнулся Мнацаканов. — У всех билеты первого класса, как и у вас. Теперь Тарутиной не отвертеться. Жалко, что нет фоторепортера, я бы сделал чудесные снимки. Может, попробовать на свой телефон? Как вы считаете? Незаметно смогу подойти и сделать снимок?

— Вы меня тоже «незаметно» сфотографировали?

— Нет, — всплеснул руками Мнацаканов, — я же вам обещал. А она актриса, публичный человек, должна понимать, что, по-

являясь в такой компании, она рискует попасть на страницы нашего издания. В раздел светской хроники. Нет, я не могу. Никогда себе не прощу, если сейчас к ним не подойду. Извините меня...

Он поднялся и поспешил к этой группе, которая уже расселась вокруг стола. Телхранители выстроились вокруг, чтобы не подпускать к своим хозяевам посторонних. Один из охранников остановил Мнацаканова, но, когда тот прокричал что-то Мальсагову, его разрешили пропустить. Журналист сел за стол и начал быстро говорить, вызывая смех у присутствующих.

Примерно через две минуты все одновременно повернулись в сторону Дронго. Очевидно, Мнацаканов решил похвастаться своим знакомством с известным частным детективом. И продолжал безостановочно говорить, попутно задавая какие-то вопросы. Было заметно, как снисходительно относятся к нему Парыгин и Каплинский, как весело и немного пренебрежительно слушает его Мальсагов. Что касается женщин, то они, очевидно, чувствовали себя не совсем комфортно. Было заметно, как нервирует появление журналиста, ко-

торый наверняка опишет их вояж в Лондон и подробно расскажет, с кем именно они решили отправиться в это путешествие. Тарутина почти не смотрела на журналиста, а Жанна Вебер слушала его с кислой миной на лице, хотя и смеялась над его замечаниями.

Прошло минут десять, пока наконец Мнацаканов не понял, что нужно покинуть своих собеседников. Он поднялся, церемонно поклонился и отошел от столика, возвращаясь к Дронго.

— Они летят в Лондон все вместе, — зашептал Мнацаканов. — И мне кажется, что у них какое-то важное дело. Но какое, они не говорят. Обычно туда летают все вместе только на экономический форум. Но он состоялся еще полтора месяца назад. Как я вам завидую. Может, в самолете они проболтаются и вы сумеете узнать...

— Просто собрались вместе и решили отправиться в Лондон, — предположил Дронго.

— Нет, нет, — возразил Мнацаканов, — Каплинский очень занятой человек, да и Парыгин не стал бы отправляться просто так в путешествие.

— Он берет с собой актрису, — напомнил Дронго, — может, хочет отдохнуть. С такой спутницей любое путешествие приятно.

— Парыгин недавно был на форуме в Лондоне, — возразил журналист, — он мог бы взять туда с собой свою спутницу и остаться на несколько дней. Но он почему-то летит именно сейчас. Ходили слухи, что у них есть какой-то крупный совместный проект в Великобритании. Называли фамилии Парыгина, Каплинского и нашего Главного Аптекаря.

— Кого? — не понял Дронго.

— Главный Аптекарь, — улыбнулся Мнацаканов. — Наша фармацевтическая промышленность уже давно поделена между основными игроками на этом рынке. Есть небыизвестный Брынцалов, он даже выдвигался кандидатом в президенты России, есть Шпигель, которого все знают как тестя Баскова, есть еще один деятель культуры, который тоже занимается аптеками. Но эти трое уступают Главному Аптекарю. Самому крупному владельцу целой сети аптек и фармацевтических заводов, главному лоббисту и известному меценату. Вы, наверно, о нем слышали —

Марк Семенович Миксон. Его фотографии часто появляются в нашей газете.

— Конечно, слышал. Но его здесь нет.

— Нет. Марк Семенович обычно летает на своем собственном самолете. Возможно, он вылетит в Лондон отдельно от этой группы. Интересно узнать, что именно они затевают, — вздохнул Мнацаканов.

Дронго увидел, как поднялся Мальсагов и прошел в сторону туалета. Дронго взглянул на часы. До посадки оставалось совсем немного. Лететь будут долго. Отсюда до Лондона больше четырех часов. Он извинился и встал, проходя в сторону мужского туалета. И боковым зрением увидел, как почти сразу за ним из-за стола поднялся Каплинский. Дронго вошел в туалет и подошел к умывальнику. Каждый раз перед полетом он чувствовал себя не совсем хорошо, словно осознавая, как неприятно ему будет провести в кресле столь длительное время. Он наклонился, чтобы умыться. И в этот момент услышал за спиной шум открываемой двери. Дронго поднял голову. В зеркале он увидел вошедшего Каплинского. Тот недовольно взглянул на незнакомца, проходя дальше. И в этот мо-

мент позвонил телефон. Он достал аппарат из кармана.

— Слушаю вас, — громко сказал Каплинский, невольно покосившись на Дронго. — Да, — сказал он, выслушав чье-то сообщение. — Я понимаю. Конечно, я буду. Сегодня я вылетаю в Лондон, а завтра в четыре успею к вам подъехать. Нет, я не смогу остаться на ужин. Но в четыре я у вас буду. До свидания, — он убрал телефон.

Дронго достал носовой платок, чтобы вытереть лицо, и вышел из туалета. Когда он возвращался на свое место, Мнацаканов уже беседовал с кем-то из очередных гостей VIP-зала. Журналист чувствовал себя в подобном месте, словно на светском рауте. Дронго усмехнулся. Кажется, он понял, почему Мнацаканов назначил встречу именно в этом месте.

Мальсагов и Каплинский все еще не появлялись. Дронго подошел к стойке бара и попросил дать ему бутылку воды. Протянул деньги. Получил сдачу. И в этот момент рядом оказалась Жанна Вебер. Она тоже попросила бутылку воды. Девушка, стоявшая за стойкой, протянула бутылку сначала Дронго, так как он попросил ее первым и уже успел заплатить. Дронго взял бутылку и протянул

ее стоявшей рядом с ним молодой женщине. Их взгляды встретились.

— Вы тот самый тип, о котором все говорят? — бесцеремонно спросила она. У нее были бездонные зеленые глаза. И холодная рука.

— Не знаю, о каком именно типе вы говорите, — ответил он, выдержав ее взгляд.

— Частный детектив. Наш местный Шерлок Холмс, — пояснила она без тени улыбки. — Я много про вас слышала.

— Надеюсь, что ничего плохого.

У нее за спиной стоял телохранитель.

«Странно, — подумал Дронго, — ведь она могла попросить кого-то из этих парней принести ей воды или позвать официантку».

— Сколько я должна за бутылку? — неожиданно спросила она у Дронго.

— Вы собираетесь мне заплатить?

— Нет. Просто хотела узнать цену. В этой жизни нужно точно знать цену всему, что вам предлагают, — пояснила она и, повернувшись, пошла на свое место.

Дронго заплатил за вторую бутылку воды и вернулся на свое место. До посадки оставалось несколько минут. Мнацаканов закончил разговаривать с неизвестным полным госпо-

дином, улетающим в Тель-Авив, и подошел к Дронго.

— Пообещайте мне, что сразу перезвоните, если сумеете узнать в самолете, почему они решили отправиться в Лондон такой компанией, — возбужденно зашептал Мнацаканов. — Честное слово, я буду вашим должником.

Дронго рассеянно взглянул на журналиста. Ему меньше всего хотелось узнавать тайны этих людей и вообще вмешиваться в их жизнь. Один из охранников жестом подозвал к себе Мнацаканова, и они отошли угол. Через минуту журналист вернулся.

— Богатые люди всегда неохотно расстаются с деньгами, — довольным голосом сообщил он. — Как хорошо, что я назначил вам встречу прямо здесь.

Дронго молча смотрел на него.

— Дали тысячу долларов, — пояснил Мнацаканов, — чтобы я забыл, с кем Парыгин вылетает в Лондон. Я, конечно, забуду... Что делать? Жизнь такая дорогая. А у кого брать деньги, если не у этих «хозяев новой жизни»?!

— Или их слуг, — не выдержал Дронго.

— Или их слуг, — весело согласился Мнацаканов. — От нас часто зависит, как мы подадим того или иного политика или банкира.

Он мог бы добавить и детектива. Но Дронго не хотел больше с ним разговаривать. Он сухо кивнул на прощание и пошел на досмотр. Мнацаканов выдавил из себя какую-то жалкую улыбку. Дронго стало грустно. Журналист был прав. В этом мире уже давно все покупалось и продавалось.

Но ни он, ни все знающий журналист, ни пятеро членов группы — трое мужчин и две женщины, — отправляющиеся в Лондон, еще не предполагали, как тесно переплетутся их судьбы. И Дронго примет участие в новом расследовании, которое потрясет английскую столицу.

Глава 2

В самолетах «Боинг-767» существует несколько типов комплектации. В первом случае это могут быть восемь мест первого класса, тридцать шесть мест бизнес-класса и около ста сорока мест экономкласса. Во втором случае может быть тридцать мест бизнес-класса и больше двухсот мест экономкласса.

На этот рейс самолет британской компании вылетел в первой комплектации, и поэтому в носовой части лайнера было восемь мест, шесть из которых заняты.

Дронго прошел в салон и уселся во втором ряду, в центре. Он не любил сидеть у окна, предпочитая другие места, чтобы не смотреть вниз. В первом ряду стояло четыре кресла, больше напоминающих небольшие кабины. В левом уселся Каплинский, в центре оказались Парыгин и Тарутина. С правой стороны два кресла, друг за другом, заняли Жанна Вебер и Мальсагов. Усевшийся во втором ряду Мальсагов недовольно покосился на Дронго. Он был уверен, что они полетят впятером. В экономклассе находилось сразу шесть помощников и телохранителей, летевших в Лондон вместе с группой своих патронов.

Предупредительные стюардессы уже улыбались пассажирам, раздавая списки фильмов, которые гости могли выбрать и заказать. Но никто из пассажиров не захотел ни смотреть фильмы, ни пить предложенное шампанское. Дронго взял плед, чтобы укрыться и попытаться уснуть. Взлет прошел нормально, самолет быстро набирал высоту. Один раз сильно тряхнуло, и Дронго чуть поморщил-

ся. Он прекрасно знал, что заснуть в самолете не сможет. Но, накрывшись одеялом, он раскрыл свое кресло, превращая его в удобную кровать. Подозвав стюардессу, попросил ее не беспокоить его и не приносить обеда. Стюардесса согласно кивнула. Она привыкла не удивляться никаким просьбам пассажиров первого класса.

Кресло было сделано с таким расчетом, чтобы закрывать его обитателя от посторонних взглядов. Дронго услышал, как поднялся Мальсагов, подходя к Каплинскому.

— Где ты остановишься? — спросил Саид. — Как всегда, заказал апартаменты в «Дорчестере»?

— Мне так удобно, — коротко ответил Каплинский.

— Почему ты не берешь квартиру в Лондоне? — поинтересовался Мальсагов. — Так гораздо лучше. Приезжаешь к себе домой, не нужно таскать с собой чемоданы и вообще есть где оставаться.

— Это ты у нас специалист по жилью, — пошутил Каплинский. — А мне жалко моих денег. В Лондоне я бываю в году четыре или пять раз. И могу прекрасно жить в отеле. Я же сюда не отдыхать лечу.

— Знаю, — кивнул Саид, — зато в Хорватии у тебя целый остров.

— И, между прочим, ты обещал ко мне прилететь. Я думаю, что в августе мы вполне можем туда отправиться. Если захочешь...

— Обязательно! — рассмеялся Мальсагов. — Я вообще человек мобильный. Куда скажешь, туда и полечу...

— Опять со своей, — очевидно, Каплинский показал в сторону Жанны.

— Можно найти кого-нибудь помоложе, — тихо ответил Саид, понижая голос. — А кто этот тип, который летит вместе с нами?

— Известный частный детектив, — пояснил Каплинский, тоже понижая голос, хотя Дронго слышал хорошо. — Наверно, летит по своим делам.

— А если из-за нас? — спросил Мальсагов.

— Не говори глупостей! — перебил его Каплинский. — Откуда он мог узнать?

Дронго услышал, как к ним подошел Парыгин.

— Что мы обсуждаем? — весело спросил он. У него был добродушный мягкий голос.

— Наше соглашение, — ответил Мальсагов. — Меня немного смущает пассажир, который летит вместе с нами.

— Который? — Парыгин даже не заметил, что в салоне первого класса был еще и чужой. Дронго нахмурился. Было немного обидно. Не заметить человека такого роста и комплекции, как он, невозможно. Но Парыгин, очевидно, привык смотреть сквозь людей. Такая привычка бывает у высших чиновников.

— Этот журналист сказал, что он детектив, — напомнил Мальсагов.

— Ну и что? — усмехнулся Парыгин. — Мы ничего противозаконного не делаем. Я немного слышал о нем. Он обычно занимается политиками, а я всего лишь бывший политик. И мы ему неинтересны. Частный детектив, Мальсагов, это человек, которого нанимают работать за деньги. И если ему никто не заплатит, он не станет работать.

— А если заплатили? — спросил Саид. — Почему он летит первым классом? Откуда у него деньги? Или его специально подсадили к нам? Может, Марк Семенович просто боится, что мы сумеем договориться?

Наступило неловкое молчание. Дронго внимательно слушал.

— Нет, — сказал Каплинский, — глупо так подставляться. Марк Семенович достаточно

умный человек, чтобы не устраивать подобные провокации. Нет, этого не может быть.

— Верно, — согласился Парыгин. — Мы имеем дело с солидными бизнесменами. Легче купить кого-нибудь из наших помощников или телохранителей. Обойдется гораздо дешевле. И не привлечет нашего внимания. И Марк Семенович слишком солидный человек, чтобы посылать за нами частного детектива.

— Вы забыли еще про Лешу Палийчука, — неприятным голосом напомнил Мальсагов. — Он не такой солидный и не такой умный. О его связях вы тоже знаете...

— Хватит, — резко прервал его Каплинский, — нас действительно могут услышать. Не нужно про Лешу. Он сейчас известный бизнесмен, и нас не интересует, каким образом он зарабатывал свои деньги.

— Я только хотел напомнить, что среди нас святых нет, — попытался объяснить Саид.

— Не нужно, — согласился со своим другом Парыгин. — Вы всегда немного суеитесь, Мальсагов. Наверно, сказывается ваш возраст. У нас такое большое дело, а вы уже изначально подозреваете партнеров в нечестной игре. Если бы они не хотели принимать

участие в нашей совместной операции, они легко могли бы отказаться. Их никто не неволил. И вообще мы не делаем ничего необычного или незаконного. Мы всего лишь приезжаем в Англию, чтобы купить понравившуюся нам вещь...

Очевидно, в этот момент кто-то из его собеседников показал в сторону Дронго, но Парыгин лишь отмахнулся.

— Пусть слышат, — громко сказал он. — Я же сказал, что мы не делаем ничего противозаконного. А завтра уже будет поздно...

Он снова недоговорил. Дронго почувствовал, как мимо него кто-то проходит. Он поднял голову и увидел, как на него смотрит Жанна. Она специально прошла мимо второго ряда, чтобы взглянуть на единственного пассажира не из их группы. И подошла к мужчинам, продолжавшим говорить. Очевидно, ей просто надоело сидеть одной и она решила, что ей нужно присоединиться к остальным.

— О чем мы спорим? — спросила Жанна.

— Только о женщинах, — поднялся со своего места галантный Каплинский. — Ты хочешь сесть?

— Если мы все соберемся в одном углу, самолет может перевернуться, — пошутила

Жанна. — Я думала, что у вас снова серьезный разговор. Может, хотя бы в самолете немного успокоитесь?

— Больше ничего не будем обсуждать, — согласился Парыгин. — Тем более что двое пассажиров у нас спят. Кажется, Женя уснула, да и этот детектив тоже спит.

— Нет, — ответила Жанна, — наша актриса слушает музыку, а Шерлок Холмс, наверно, с удовольствием слушал, как вы ругаетесь.

Дронго усмехнулся. У этой женщины был острый язычок.

— Он все слышал, — громко сказал Мальсагов. — Я же говорил, что его к нам послали.

— Подожди, — прервал его Парыгин. — Не нужно кричать. Если он все слышал, то тем лучше. Может, мы попросим его присоединиться к нам.

— Правильно, — поддержал его Каплинский. — Давайте с ним поговорим. Нам как раз понадобится независимый наблюдатель.

— Вы с ума сошли, — разозлился Мальсагов. — Какой наблюдатель? Зачем нам наблюдатель? Мы все взрослые люди. Зачем нам чужой человек?

— Все равно наше соглашение будет известно всему миру уже через два дня, — напомнил Парыгин. — И вообще наша задача как раз и состоит в том, чтобы о нашем проекте узнало как можно больше людей.

— Но через два дня, — попытался отстоять свою позицию Мальсагов.

— Это уже непринципиально, — отмахнулся Парыгин.

— Не нужно этого делать, — сказал Саид, — зачем нам лишний свидетель?

— Он может оказаться полезным, — возразил Каплинский.

— Правильно, — согласился Парыгин, — нужно с ним поговорить.

— Кто будет с ним разговаривать? — уточнил Каплинский.

— Давай ты или я, — ответил Парыгин, — какая разница? Ему нужно завтра приехать в клуб и принять участие в нашей игре. Он получит удовольствие, присутствуя при таком событии. А мы готовы ему заплатить за время, проведенное в клубе.

— Правильно, — согласился Каплинский, — тогда пошли вдвоем.

Дронго подумал, что неприлично, если он по-прежнему будет делать вид, что спит.

И он поднялся, усаживаясь в своем кресле. И увидел, как к нему подходят Парыгин и Каплинский.

— Добрый день, — кивнул ему Парыгин, — разрешите с вами познакомиться. Я Николай Николаевич Парыгин.

— Очень приятно, — Дронго встал и пожал протянутую руку.

— Каплинский Юлий Львович, — представился второй собеседник, — а как, простите, вас называть?

— Дронго. Меня обычно зовут Дронго.

— Немного необычно, — заметил Парыгин. — Господин Дронго, мы знаем, что вы известный частный детектив. И поэтому хотим вам предложить небольшую работу, которая никак не скажется на ваших планах.

— Что я должен делать?

— Присутствовать завтра на игре в клубе, который мы вам укажем. Часа два или три. Кроме нас троих, там будут еще двое игроков. Мы впятером сыграем партию в покер, а вы будете беспристрастным судьей, если вас устраивает такая роль.

— И все? — удивился он.

— И все, — весело кивнул Парыгин, — больше ничего от вас не потребуется. При-

мерно через два или три часа, когда станет известен победитель игры, вы сможете покинуть клуб. Мы дадим вам машину, которая отвезет вас куда вам будет угодно. Разумеется, ужин и алкоголь за наш счет. Если вам будет нужно, мы пришлем к вам машину, чтобы привезти в клуб. И готовы заплатить, — Парыгин взглянул на Каплинского, — пятьдесят тысяч долларов.

Каплинский кивнул головой.

— Пятьдесят тысяч? — спросил Дронго с заметным сомнением.

Но Парыгин не так понял его сомнение.

— Пусть будет семьдесят, — сказал он. — За три часа работы. Вам ничего не нужно делать. Только сидеть рядом с нами и следить за игрой. Хотя там будет свой крупье. Нам вы нужны в качестве беспристрастного свидетеля.

— Не совсем понимаю, что именно вы от меня хотите, — признался Дронго. — Почему вы считаете возможным платить такие невероятные деньги человеку, который всего лишь будет присутствовать при вашей игре? Или в игре есть какой-то другой смысл?

Парыгин снова взглянул на Каплинского. Тот пожал плечами.

— Есть, — выдохнул Парыгин. Он сел в кресло рядом и показал Дронго рукой, чтобы тот сел на свое место. Каплинский прошел и сел с левой стороны, в свободное кресло.

— Дело в том, — начал Парыгин, — что через три дня на торгах будет выставлен один из самых известных футбольных клубов Англии — «Манчестер Юнайтед». Вы наверняка об этом слышали.

— Об этом пишут все газеты, — кивнул Дронго. — Но, насколько я знаю, там установлена невероятная цена. За контрольный пакет акций нужно заплатить около трехсот миллионов фунтов стерлингов, или более полумиллиарда долларов. Я читал, что пока покупателей на этот клуб нет.

— Уже есть, — улыбнулся Парыгин. — Но давайте сразу договоримся. Все, что я вам сейчас скажу, должно остаться между нами. Хотя бы на два следующих дня, до официальной покупки.

— Я умею молчать, — невозмутимо заметил Дронго, — и хранить секреты. Это моя профессия.

— Прекрасно. Мы с друзьями решили, что можем себе позволить собрать по... по сто

миллионов долларов на пятерых. Вы меня понимаете?

— Не совсем. Но это нормально. У меня нет таких денег.

— Зато у нас они есть, — торжествующе заметил Парыгин. — По сто миллионов долларов. Мы готовы инвестировать эти средства в английский футбольный клуб.

— Тогда при чем тут игра?

— Все очень просто, — улыбнулся Парыгин. — Мы не хотим, чтобы о нашем соглашении узнали преждевременно. Пятьсот миллионов — очень большая сумма. И мы не хотим рассказывать о том, как собирали деньги, словно скинулись на водку и закуску. Раньше давали по рублю. Или чуть больше. А мы дали по сто миллионов. Но один из нас, тот, кого определит игра, будет объявлен владельцем клуба. Официальным владельцем. Который останется в Англии и примет на себя все заботы. Остальные будут всего лишь акционерами. Кто будет объявлен основным покупателем — решит игра. У нас такое джентльменское соглашение. Вот, собственно, и все.

— Вы собрали по сто миллионов долларов, чтобы купить самый известный английский футбольный клуб, — наконец понял